

УДК 81.13

ББК 81.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/1/6-16>

ОБЩИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ МОРФОНОЛОГИИ

К. Г. Красухин

*Институт языкознания РАН; МГУ имени М. В. Ломоносова;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
Государственный университет «Дубна»*

GENERAL AND HISTORICAL QUESTIONS OF MORPHONOLOGY

K. G. Krasukhin

*Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences;
Lomonosov Moscow State University; St. Tikhon's Orthodox University; Dubna State University*

Аннотация: в статье рассматривается статус морфонологии в структуре языка, нерешенные вопросы, связанные с этим понятием. Подчеркнуто, что морфонологию можно определить как «кладбище мертвых фонетических законов». Морфонологические чередования сохраняются в языке в силу их функциональной значимости: они разграничивают основы именительного и косвенных падежей, первичных и производных слов, глагольных видо-временных форм. Особое внимание уделяется аблауту, т. е. непозиционным чередованиям гласных. Он, вероятнее всего, сформировался благодаря подвижности силового ударения. В безударных слогах гласный редуцировался. В так называемых «тяжелых» слогах, т. е. содержащих сонорный и смычный звук, он выпадал; в «легких» слогах это бы привело к неудобопроизносимым сочетаниям согласных. Поэтому гласный в них менял тембр; возможно, именно таков исток качественного аблаута. В праиндоевропейском языковом состоянии аблаут сформировал систему как словоизменения, так и словообразования. В этих подсистемах играло большую роль передвижение ударения. Падежные и глагольные формы делятся на «сильные» (с ударением на основе) и «слабые» (с ударением на флексии). «Сильные» номинатив, аккузатив, локатив обозначают члены предложения, которые можно назвать независимыми, «слабые» генитив и датив – зависимые. Аналогично различаются баритонные формы действительного залога и окситонные – медиального, индикатив и конъюнктив. Важная роль аблаута в праиндоевропейской морфологии связана с типологией данного языка, перешедшего из корне-изолирующего во флективный тип.

Ключевые слова: морфонология, аблаут, флексия, морфология.

Abstract: the common status and undecided problems of morphonology are considered. Morphonology can be named “cemetery of dead phonetic laws”. Non conditioned by phonology alternations are remained in language because of their functional value: the stems of nominative and oblique cases, of primary and derived words, also temporal and aspectual stems are differing by them. An especial attention is paid to ablaut: non conditioned by position alternation of vowels. It was formed primarily by accent movement: The vowel is reduced in non-stressed syllable. In “heavy” syllables (containing two obstruent and a sonorant) the zero vocalism is formed, in “light” ones the timbre of vowel is changed. The ablaut and accent played a great role in Proto-Indo-European morphology. The case and verb forms can be divided into “strong” (with stressed stem), and “weak” (with stressed flexion) ones. “Strong” nominative, accusative, and locative were independent cases; “weak” genitive and dative – dependent cases. Active and middle voice, indicative and subjunctive voice are different in the same manner. The role of ablaut is connected with the transformation of Proto-Indo-European language state: from isolated into flexional type.

Key words: morphonology, ablaut, flexion, morphology.

© Красухин К. Г., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

В настоящее время неясны полностью ни объем понятия морфонологии, ни круг охватываемых им явлений. Это происходит отчасти оттого, что общие понятия вообще трудноопределимы. Возможно, и нет нужды давать им полное, развернутое определение. Очевидно, лучше ограничиться рабочим определением, которое и можно непротиворечиво использовать в исследовании. Морфонология – это наука о непозиционных чередованиях звуков, или чередованиях фонем. Но это определение приводит к другой трудности: «у морфонологии нет своего “героя”, т. е. основной ярусной единицы, а у любого подлинно структурного яруса она есть» [1, с. 99]. При ее изучении приходится обращаться как к фонетике, так и к морфологии. Как же возникают эти непозиционные чередования? Очевидно, они являются следствием фонетического изменения (мутации) фонем. Как первым показал Е. Д. Поливанов, фонемы подвержены как конвергенции, так и дивергенции [2]. Р. О. Якобсон описал различные типы дивергенций – фонологизация (т. е. превращение фонетических вариантов в самостоятельные фонемы), рефонологизация (изменение характеристик фонем при сохранении их оппозиции), а конвергенцию охарактеризовал как дефонологизацию [3]. Ср. также учение о щеплении (split) и слиянии (merger) фонем [4]. Из примеров Якобсона хорошо видно, что процессы мутаций, как правило, охватывают фонемы, стоящие в определенной позиции. Фонемные варианты приобретают статус самостоятельных фонем именно тогда, когда старая позиция утрачивает свою способность эти варианты создавать. Так, о свершившихся палатализациях в славянских языках можно говорить только тогда, когда заднеязычные согласные перестали меняться перед гласными переднего ряда, и новые сочетания *ки*, *ги* уже не подвергались палатализации (др.-русс. *кыпѣти* → *кипеть*, *гыбнѣти* → *гибнуть*).

Методология исследования

Несмотря на отсутствие собственных единиц, морфонология играет немаловажную роль в структуре языка. Во-первых, морфонологические альтернативы сохраняются только тогда, когда они становятся функционально значимыми. Так, в современном русском языке следы первой палатализации оказываются гораздо лучше заметны, чем следы второй. Дело в том, что первая палатализация часто возникала на стыке морфем, перед суффиксами, начинающимися с *-i-* (→ *ь*), *-ě-* и т. д. Вторая же палатализация часто возникала перед флексиями косвенных падежей *-ъ*, *-и* (< **-ai*, **-ei*). Первая палатализация подчеркивала, таким образом, отличие производной основы слова от первичной: *вѣкъ-ъ* – *вѣч-и*, *друз-ъ* – *друж-ьскъ*, *грѣх-ъ* – *грѣш-ьнъ*. В склонении же действовала

тенденция к унификации основы, поэтому формы *вѣц-ъ/-и*, *друз-ъ/-и*, *грѣс-ъ/-и* изменились в *вѣк-е/-и*, *друг-е/-и*, *грѣх-е/-и* по аналогии с формами других падежей (парадигматическое выравнивание).

Морфонология, не будучи полностью самостоятельным языковым ярусом, четко вписывается в языковую структуру. Единицы любого языкового уровня составлены из единиц предшествующего уровня: в этом суть иерархичности языка. И любая языковая единица может быть представлена как набор вариантов, где варьируют единицы предшествующего уровня. Так, звуки, относящиеся к одной фонеме, различаются дифференциальными признаками (или, по Э. Бенвенисту [5], меризмами); словоформы, относящиеся к одной лексеме, различаются словоизменительными морфемами. Соответственно различительные признаки не могут рассматриваться как языковые единицы: они служат для построения мельчайших языковых единиц. Соответственно не является отдельной языковой единицей и синтагма. Она состоит из самостоятельных языковых единиц. В этом случае естественно ожидать существование вариантов морфем, которые бы различались с помощью отдельных фонем. Именно такие варианты и получили наименование морфов. Морф – реализация фонемы в словоформе. Понятие морфа позволило достроить фонологическую теорию. Дело в том, что признание только инвариантных морфем создало бы известное противоречие: тождество морфем, с одной стороны, служит критерием для выделения фонем; с другой же стороны, наличие фонемных чередований противоречит этому правилу. На это обратил внимание А. А. Кретов [6], который предложил ввести в систему фонологии морфонологические чередования и рассматривать как отдельные фонемы */e/o/*, */e/0/* и т. д. Однако представляется, что такое решение приведет, во-первых, к неоправданному расширению фонемного инвентаря, во-вторых, к нарушению единого основания в классификации. На одном уровне оказываются варианты, обусловленные комбинаторными и значимыми позициями. Но А. А. Кретов задал резонный вопрос: как совместить морфемный критерий выделения фонемы и непозиционные чередования фонем в одной морфеме? Иными словами, в Московской фонологической школе фонема выделяется именно как неизменная часть морфемы. Но если это так, то непонятно, как может при неизменности самой фонемы меняться ее фонемный состав. Эту проблему и снимает введение понятия морфа.

Путь, проделанный лингвистикой к открытию морфонологии, долог и извилист. И. А. Бодуэн де Куртенэ, создавая первую фонологическую теорию, отметил, что существует тип фонетических альтернатив, с которым связано представление о морфологическом или семантическом различии [7, с. 301]. Это,

как справедливо отмечают Е. С. Кубрякова и Ю. Г. Панкрац [8, с. 8], еще не цельная теория, но в этом кратком замечании содержится то, что в дальнейшем легло в основу истинно научной концепции морфонологии. Развернутую же теорию создал Н. С. Трубецкой. Он предложил особую единицу – морфону, с помощью которой и можно описывать морфемные альтернативы. Но что такое морфонема? А. А. Реформатский назвал это понятие морфонема «мифичным и ненужным» [1, с. 101]. В самом деле, если морфонология – небазисный уровень, то не следует и изобретать для нее особую единицу. Все не обусловленные позицией чередования фонем в единой морфеме и составляют область морфонологии¹. Порой эти чередования носят весьма причудливый характер. Так, в русском языке, помимо стандартных /e/o/, /k/ч/, /z/ж/, менее очевидных, но распространенных /y/ов/ (*струя* – *о-стров*), /y/ы/вы/ (*уч-ить*, *на-ук-а* – *об-ыч-ай*, *на-вык*), возможно морфонологическое чередование /он/с/. Ср.: *он-учи* – *в-вести*. Здесь представлены разные варианты праславянской приставки **ън*-. Дело в том, что приставки в индоевропейских языках ведут себя по-разному при имени и глаголе. В первом случае они издавна являлись неотъемлемой частью слова. В сочетании же с глаголом приставка долго сохраняла свою автономность. Следы такого положения дел хорошо сохранились в современном немецком языке, в эпическом греческом, есть примеры и в архаической латыни: так называемый тмесис – отделение приставки от глагола. В ведическом же санскрите и хеттском префикс, как правило, не присоединяется к глаголу: ср. вед. *prá mā yuuyjre prayújas jánānām* (X 33, 1) “запрягли меня запрягатели людей”. Здесь приставка *pra* соединена с именем и отделена от однокоренного ему глагола. В славянских же языках бывшая независимость приставок при глаголах проявляется в том, что их фонетика резко отличается от тех же приставок при именах. Так, кластер **С-ън* (*С* – любой согласный) перед согласным переходит в *у* (*ж*), а на конце слова – в *0*. И глагольные приставки подчинены второму фонетическому закону: *су-гроб* – *с-гребать*, *су-тки* – *с-тыкать* и т. д. (**сън*- + соответствующий корень; перед глаголом приставка ведет себя как перед началом отдельного слова). Приставка же **ън*-, будучи частью цельного слова, перед гласным не образует протезы, а переходит в *он*-.: **ън-оу-ти* > *он-у-ч-и* (корень – *у*- тот же, что и в *об-у-ть*, *раз-у-ть*)². Таким образом, про-

цессы фонетического варьирования меняют родственные морфемы иногда до неузнаваемости. И когда соответствующая позиция теряет свою комбинаторную значимость, возникают морфонологические чередования. Говоря образно, морфонология – это кладбище фонетических законов, след которых сохранился лишь постольку, поскольку непозиционные чередования стали функционально значимыми.

Результаты исследования и их обсуждение

Однако следует отметить, что отдельные морфонологические чередования стали предметом лингвистики гораздо раньше, чем появился сам термин. В грамматике Панини подробно описаны чередования корневых гласных: слабая ступень, или отсутствие корневого гласного; полная ступень, или присутствие короткого корневого гласного – *guṇa*; продленная ступень, или присутствие долгого корневого гласного – *vr̥ddhi*. Панини оказал большое влияние на Ф. Боппа, который показал, что древнеиндийские чередования имеют общеиндоевропейский характер; слабая ступень развивается в безударной позиции [9, S. 202–213]. Примерно в то же время Я. Гримм, описывая чередование гласных в германских корнях, предложил два термина, сыгравшие большую роль в германистике и индоевропеистике: аблаут и умлаут [10]. Первый обозначает мену звуков, не обусловленную никакой позицией, но сопряженную с определенной грамматической формой. Умлаут же – это смягчение гласного под влиянием фонетического окружения: др.-в.-нем. ед. ч. *gast* “гость” – мн. ч. *gesti* “гости” (нем. *Gast* – *Gäste*). Сила подобной позиции ослабевает, поэтому умлаут тоже становится частью морфонологической системы языка.

В праиндоевропейское языковое состояние можно с уверенностью проецировать только аблаут. Все остальные морфонологические явления (палатализация, правило *ruki* в славянских и индоиранских языках) распространяются только на отдельные языковые группы (в некоторых случаях их можно рассматривать как ареальные процессы). И в дальнейшем мы будем говорить именно об аблауте. В индоевропейских языках аблаут может быть качественным (чередование тембра гласного) и количественным (чередование гласного с нулем и долгого гласного с кратким). Соответственно говорят о полной, нулевой и продленной ступени вокализма. Ступени чередования гласных таковы: *0/e/o/ē/ō*. Происхождение количественного аблаута (чередования гласного с нулем) довольно очевидно. Как справедливо полагал Ф. Бопп, нулевая ступень возникла в безударном положении. Это может свидетельствовать только о том, что в праиндоевро-

еся, что семантика не запрещает здесь восстанавливать и префикс **en-/n-* “внутри, внутри”: *онучи* – “то, внутри чего имеется нечто одетое”.

¹ «Не обусловленные позицией чередования фонем» – это, безусловно, тавтология. Чередоваться в стандартно понимаемой позиции могут не фонемы, а только их варианты. Но важно подчеркнуть особый статус морфонологии.

² Фасмер отвергает эту этимологию по семантическим основаниям. С его точки зрения, *он*- репрезентирует и.-е. **an-* “вдоль, вокруг” (греч. *ἀνά*, др.-инд. *āni*). Но нам представля-

пейском языковом состоянии имело место силовое ударение, так как только оно является необходимым условием для редукции и последующей синкопы безударных гласных. Но такая реконструкция не соответствует данным древнейших индоевропейских языков – древнеиндийского и древнегреческого, в которых ударение было музыкальным. Литовское ударение, считающееся весьма архаичным, тоже не является экспираторным³. Вместе с тем образцы вокалических чередований при подвижном акценте типа др.-инд. *ksām* “земля” – род. п. *ksámāh*, греч. *πατήρ* “отец” – *πατρός* очень наглядно показывают связь безударности и редукции гласного. Едва ли возможно предложить здесь какое-нибудь иное объяснение. Явления аналогии затемняли картину аблаута. Так, в древнегреческом имела место тенденция к унификации корня: *χθίων* – *χθονός*. Но сам факт существования аблаута несомненен.

С начала 1960-х гг. в лингвистике все чаще высказывается мнение о чисто тоновом характере праиндоевропейского ударения. В этом духе высказывались В. А. Дыбо (обобщение его работ см. в: [11; 12]), Ф. Кортландт [13]; А. Лубоцкий [14], В. Хок [15]; к этому же склоняется и Дж. Дрезнов [16]. Согласно этой точке зрения, в праиндоевропейском, подобно современному литовскому языку, противопоставлялись два типа ударения – акут (резкое, нисходящее, долготное ударение) и циркумфлекс (мягкое, восходящее, краткостное). Упомянутые исследователи приложили немало усилий для того, чтобы найти параллели этим типам в древнегреческом и ведическом санскрите. Безусловно, изучение древнеиндийской и древнегреческой акцентных и вокалических систем демонстрирует в них следы индоевропейского акута и циркумфлекса, – на это указывали еще Фортунатов и Соссюр. Но количественный аблаут трудно объяснить чем-то иным, чем силовым характером ударения. В балтийских и славянских языках он развит вполне достаточно. Следовательно, общееиндоевропейское ударение было одновременно тоновым и силовым. Только так можно объяснить одновременно количественный аблаут и взаимоотношение греко-арийских долгот с балто-славянским акутом⁴.

Важные результаты в изучении количественного аблаута получены Ф. де Соссюром, П. Кречмером, Г. Хиртом, К. Боргстрёмом, Е. Куриловичем, Р. Фальком. Соссюр [17], изучая структуру индоевропейско-

го корня и его варианты, пришел к следующим выводам. 1. Индоевропейский корень имел определенную структуру и характеризовался одним гласным. 2. Характер корневого вокализма имел четкое морфологическое и семантическое значение. Ступень *e* характеризовала, как правило, тематический глагольный презенс (I класс древнеиндийского глагола), ступень *o* – перфект и отглагольные имена. Нулевая же ступень была характерна для «слабых» форм атематического глагола (медия и множественного числа), причастий на *-to-*, некоторых форм аориста. И сравнивая причастия и слабые формы от различных корней, Соссюр совершил самое свое яркое открытие: предположил наличие так называемого сонантического коэффициента, присутствующего в корнях **dheA₁* (греч. *τίθημι*), **doA₂* (*δίδωμι*). Е. Курилович [18] обнаружил ларингал именно в аналогичных корнях хеттского языка (*tehhi* “ставить”, *dahhi* “брать”). Тем самым подтвердилась строгая научность фонетических законов и морфологических моделей, которые использовал Соссюр: с их помощью оказалось возможным предвидеть поведение объекта.

Оригинальную реконструкцию предложил К. Боргстрём [19]. С его точки зрения, индоевропейский праязык характеризовался моновокализмом и подвижным ударением; каждый слог был открытым, за каждым согласным или сонорным следовал гласный неопределенного тембра. Впоследствии процессы редукции привели к падению безударных. Боргстрём ввел понятие так называемого механического правила: в словах, где более одного согласного, последний из них сохраняется, предпоследний редуцируется и т. д. Далее синкопируется последний безударный гласный, з: **Hāsātā* > **ést*, *Hāsánātā* > *H_esónt*. Но в большинстве индоевропейских слов присутствует не по одному гласному. Боргстрём и его последователи [21; 22] предложили наличие вторичного ударения на несинкопированных безударных гласных. Затем, однако, процессы выравнивания основы слова по аналогии в словоизменении и дифференциации основ в словообразовании привели к существенному изменению результатов количественного аблаута. К этому вопросу мы еще вернемся, а пока отметим следующее: индоевропейское ударение было силовым и не имело фиксированного места в слове. Положение акцента в словоформе имело явную морфосинтаксическую функцию. Так, в приведенном выше примере ударение различало формы единственного числа (корневое ударение) и множественного числа (ударение на флексии). В соответствии с этим морфосинтаксическую функцию приобрел и количественный аблаут.

С точки зрения Р. Шмитт-Брандта [23, S. 15–8], количественный аблаут, обусловленный передвижением акцента, был характерен только для корней,

³ Как правило, его считают тоновым. Но С. В. Кодзасов (устное сообщение) подчеркнул резкое отличие его акустических характеристик от классической тоновой системы, представленной в языках Юго-Восточной Азии. По его мнению, характер литовского ударения остается не до конца проясненным и требует дальнейших исследований.

⁴ Хороший обзор теорий индоевропейского аблаута и ударения представлен в работе [20].

содержащих один начальный согласный, гласный *e*, *o*, *a* и один конечный согласный (*SeC*, *SeR*, где *C* – шумный согласный, *R* – сонорный). Иными словами, корни типа **bhudh-* “внимательный”, **bhug-* “получать удовольствие”, **dhub-* “глубокий” и т. д. изначально содержали не сонорный, а гласный срединный звук (инлаут) корня. И только по аналогии с корнями, содержащими *-e/-o/-a-*, в этих корнях сформировался количественный аблаут. Произошло это именно потому, что такой аблаут превратился по сути в морфему. В тех словоформах, где корни с *-e/-o/-a-* имели полную ступень вокализма, соответствующий гласный внедрялся и в корни с *-i-*, *-u-*. Так появились варианты **bheudh-* (др.-инд. *bodhate* “бодрствовать”), **dheub-* (гот. *diups* “глубокий”). Трудно сказать, действительно ли это было так. Для более подробного обсуждения теории Шмитт-Брандта требуются исследования структуры индоевропейского корня, характера вокализма и т. д., что сейчас не входит в нашу задачу. Отметим только важную идею о морфологической роли аблаута. Мы убедимся, что именно эта роль привела к устойчивости аблаута в период от общеиндоевропейского языкового состояния до письменной фиксации германских языков.

Что же касается аблаута типа *e-ē*, *o-ō*, то формирование долгих гласных совершилось значительно позже, чем редукция безударных. Гласный удлиняется, как правило, в следующих позициях. 1. В формах именительного падежа ед. ч. атематических имен с основой на сонорный. Этот процесс можно считать общеиндоевропейским: др.-инд. *ksām* – греч. *κῶν*; др.-инд. *jānitār* – греч. *γενέτωρ* – лат. *genitōr*. Иногда долгота по аналогии распространяется и на косвенные падежи: греч. *φῶρ* ‘вор’ – род. п. *φωρός*, *dothr* ‘даритель’ – род. п. *δοτήρος*. В балтийских и славянских языках корневые имена перешли в основы на **-ī-*, но некоторые из них сохранили долготу корневого гласного: греческому слову соответствует лит. *žvėris*, слав. *звѣрь*. Исконную краткость корня демонстрирует лат. *ferus* “дикий” (< **ghuēro-*). Иногда продленная ступень вокализма появляется и в основах на шумный, – как правило, звонкий, подлежащий оглушению. Ср. лат. *rēx* “царь”, *lēx* “закон”; слав. *медвѣдь* также предполагает имя типа **-ēd#* < **-ed-s*.

2. Долгая ступень корня иногда появляется у каузативных и фреквентативных (участительных) глаголов: греч. *φέρω* “нести” – *φορέω* “носить”, *νέμω* “делить”, *νέμομαι* “обитать” – *νομίζω* “раздавать, распределять”; слав. *летѣти* – *лѣтати*, *бороть* – *(пере)барывать*, *(из-, до-, при-, за-) быть* – *(из-, до-, при-, за-)бавить* [24–26].

3. Удлинение корневого вокализма имеет место в формах сигматического аориста: др.-инд. *vāhati* “везти” – *āvākṣīt* “он увез”; *jáyati*, *jināti* “побеждать” – вед. *ájais*, послевед. *ájaiṣīt* “он победил”. Ср. также ц.-слав.

везти – *въсь*, лат. *veho* – *vēxi*. Многие лингвисты считают, что эту долготу нельзя проецировать в общеиндоевропейское состояние, так как она развилась в (пред)истории отдельных индоевропейских языков [27; 28]. Но такой параллелизм примечателен и наводит на мысль о том, что перед нами – если не праиндоевропейская, то общеиндоевропейская черта⁵. В западных индоевропейских языках известен претерит с долгим корневым гласным, чье происхождение не вполне ясно.

4. В некоторых индоевропейских языках, к примеру в санскрите, существуют так называемые акростатические (или акродинамические) презенсы. У них «сильные» формы (т. е. ед. ч. действительного залога) имеют продленную ступень вокализма, а «слабые» – полную: *tāsti* “строить, создавать” – мн. ч. *tákṣati* [29]. Отметим, что в Ригведе засвидетельствована только форма мн. ч.

5. Общеиндоевропейскими, но поздними следует считать долгие гласные, возникшие в результате контракции: например, в окончании генитива мн. ч. **-ōm*, датива тематических основ **-ōi*, инструменталю **-ō*. Все эти флексии представляют собой слияние тематического гласного и собственно окончания: **-o-om*, **-o-ei*, **-o-e*.

6. Наконец, долготы возникают из сочетаний гласных с ларингалами или, согласно Л. Г. Герценбергу [30], благодаря акутовому ударению. Этот вопрос мы подробно рассматривать не будем, так как прямого отношения к аблауту он не имеет.

Значительно сложнее вопрос о происхождении качественного аблаута. Следует заметить, что существует так называемое неаблаутное *o*, т. е. не связанное чередованием с *e*. Ср. такие этимоны, как **oktō* (*u*) “восемь” (греч. *ὀκτω*, лат. *octō*), **ouis* “овца” (греч. *οἶς* > *οῖς*, лат. *ovis*), *orbho-* “неполноправный” (греч. *ὀρφανός* “сирота”, лат. *orbus* “сирота; лишенный, бедный”, ср. слав. *рабъ*). Что же касается апофонического **o*, то мы бы выделили следующие гипотезы: чисто фонетическую и акцентологическую. Согласно первой из них, ступень *o* развилась в определенном окружении. Так, Г. Хирт [32] полагал, что ступень *o* развивалась сначала в дифтонгах, содержащих второй элемент **-u*. Поскольку Хирт склонялся к теории моновокализма, то развитие апофонии он представлял так: ***āi* > **ei*; ***āu* > **ou*, с последующей генерали-

⁵ Различие между праиндоевропейским и общеиндоевропейским процессом таково же, как между пра- и общегерманским, пра- и общеславянским. Исследователи неоднократно подчеркивали, что в родственных языках могли происходить процессы, берущие начало в праязыке, но оформившиеся после его распада [31]. Например, силовое ударение на начале слова сформировалось в первые века н. э., но охватило все германские языки, а падение редуцированных гласных в славянских языках имело место в XI–XII вв. и распространилось на все области обитания славян.

зацией тембра. Иначе рассматривал этот процесс Р. В. Кравчук [33]: с его точки зрения, формирование количественного аблаута произошло благодаря соотношению корневых и аффиксальных гласных, т. е. аблаут был следом индоевропейского сингармонизма. Теория Кравчука знаменует полный пересмотр типологической реконструкции праиндоевропейского языкового состояния. Согласно Н. С. Трубецкому [34], отсутствие сингармонизма является одной из шести характерных черт индоевропейских языков, что связано с отсутствием агглютинации. Согласно же Кравчуку, мы должны предположить именно наличие агглютинативных черт в праиндоевропейском. Некоторый резон в этом есть; во всяком случае, германский умлаут тоже может рассматриваться как разновидность сингармонизма. Его развитие, очевидно, связано с разрушением флексии и формированием аналитизма, начавшимся уже в древневерхненемецком и древнеанглийском языках. Возможно, что и в праиндоевропейском не было такой четкой синтетической флексии, какая представлена в древнеиндийском или хеттском. В пользу реконструкции Кравчука может свидетельствовать соотношение греч. *ποδός* – лат. *pedis*, но в целом она оставляет много открытых вопросов. Например, каков был изначальный индоевропейский вокализм, и что явилось причиной возникновения аблаута? Ведь для сингармонизма необходимо наличие изначально разных гласных.

Поэтому теория, связывающая качественный аблаут с передвижением акцента, выглядит предпочтительнее. Ее развивали В. Маньчак [35], Р. Шмитт-Брандт [23], Е. Курилович [36]. В пользу данной теории говорят такие примеры, как греч. *πατήρ* “отец” – *εἰπάτωρ* “имеющий хорошего отца”, *φῆρ* “душа” – *ἄφρων* “безумец”, *εὐφρων* “добродушный”. Передвижение ударения на префикс – явление относительно позднее, не вызывающее синкопу безударного, но видоизменяющее его тембр. Таким образом, этот тип качественного аблаута сформировался в поздней индоевропейскую эпоху. Какой-либо серьезной функциональной нагрузки он не несет, так как все морфосемантические значения (в том числе переход из существительного в прилагательное) выражены приставкой. Но нечто подобное могло встречаться и в более древний период. Основа слова в праиндоевропейском языковом состоянии, очевидно, не могла состоять из одних редуцированных гласных. Поэтому корень типа *TT* (*T_eT'*) мог появляться только в соседстве с морфемами, содержащими гласный. Изредка встречаются такие формы, как др.-инд. *kṣmáh* (род. п. от *ksām* “земля”), но в древнегреческом родственная основа выровнена: *χθονός* (*χθών*). Тематические аористы типа *ἔσχω* (*ἔχω* “иметь”), *ἐπτόμην* (*πέτομαι* “лететь”) представляют собой закономерный результат редукции

безударного, но встречаются крайне редко и не находят параллелей за пределами греческого. Как правило, в тематических аористах корней *TT*, *TR* гласный сохраняется. По-видимому, именно там, где синкопа безударного была невозможна, в раннеиндоевропейском появилось изменение тембра. Так, от имени **péd-s* может образоваться др.-инд. *upabdá* “шум” (< **upo-b_ede-*), но в словоизменении основа более устойчива: родительный падеж выглядел как *podés* (от этой формы путем ассимиляции образовались и лат. *pedis*, и греч. *ποδός*). След такого склонения сохранился в хеттском: им. п. *tekan* (< **dhégh-m*) “земля” – род. п. *tagnas* (**dhoghmos*).

В словоизменении такой качественный аблаут нивелировался по аналогии, в словообразовании же мог обобщиться. Е. Курилович [36] подробно описывает различные типы имен и глаголов, в которых ступень *o* развилась в безударной позиции, затем стала показателем той или иной грамматической или семантической категории. В частности, как мы сможем убедиться, ступень *o* в общеиндоевропейском перфекте развивалась первоначально в безударной позиции.

Общеиндоевропейский количественный и качественный аблаут, как было отмечено, есть результат силового подвижного ударения. Передвижение акцента носило явно функциональный характер. В наших работах было высказано предположение о том, что место ударения в слове определялось его синтаксической позицией. Очевидно, слово, являвшееся независимым членом предложения, несло ударение на основе, а в зависимом члене предложения ударение сдвигалось на гласное окончание основы. Это максимально общее противопоставление зависимости-независимости сформировало ряд оппозиций в словоизменении и словообразовании. Они могут быть включены в особую грамматическую систему, которая была названа аблаутно-акцентной парадигмой [37, с. 348–349] (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Аблаутно-акцентная парадигма	
$\check{C}\check{V}C_{\check{v}}-s - C_{\check{v}}C\check{V}-s$	Номинатив – генитив субъекта
$\check{C}\check{V}C_{\check{v}}-m - C_{\check{v}}C\check{V}-m$	Аккузатив – генитив объекта
$\check{C}\check{V}C_{\check{v}}-i - C_{\check{v}}C\check{V}-i$	Локатив – датив
$\check{C}\check{V}C_{\check{v}} - C_{\check{v}}C\check{V}-s$	Баритонное имя – окситонное имя (реализация: существительное – прилагательное; абстрактное имя – имя принадлежности)
$\check{C}\check{V}C_{\check{v}} - C_{\check{v}}C\check{V}-$	Глагол внешнего действия – глагол внутреннего состояния, свойства, потенции (рассогласованное прилагательное)
$\check{C}\check{V}C_{\check{v}}-t - C_{\check{v}}C-tó$	Активный залог – средний залог
$\check{C}\check{V}C_{\check{v}} - CoCe, CeCCe$	«Примитив» (предтеча презенса и аориста) – перфект (статив)

CVC _v - – CVCV-	Индикатив – конъюнктив
CVC _v - – CVCV-	Атематический – тематический глагол
CV̇(R)C _v - – C _v RCV̇-ti	Глагол стабильного действия – терминативный глагол
CV̇RC _v - – C _v RCV̇-t	Глагол стабильного действия (переходный презенс) – глагол «критической точки» (непереходный аорист)
C _v C _v - – C _v CV̇-	Отглагольное имя реального действия – отглагольное имя потенциального действия
CV̇C _v -C(R)C – C _v CV̇-CV̇CV̇-s	Абстрактное отглагольное существительное – прилагательное долженствования

Дадим краткий комментарий к таблице.

В падежных флексиях присутствует ярко выраженная аблаутно-акцентная оппозиция. Номинатив/аккузатив и генитив, датив и локатив атематического склонения различаются только местом ударения и полным/нулевым вокализмом окончания. Этой формальной оппозиции соответствует и семантическая. Номинатив – это падеж субъекта, именного предикатива и обособленного члена предложения. Напротив, генитив – падеж принадлежности, партитивного субъекта или объекта. Он появляется в следующих позициях при глаголе – как субъект: а) для выражения целого, из которого берется часть: авест. *kat ta paqa frayqm pasvqm vā staorqm vā narqm vā nārinqm* “пройдут ли эти пути (кто-то из) мелкого или крупного рогатого скота, мужей или жен?”; б) просто для выражения количества: лит. *žmoniu ateĩo* “народу пришло”. Отрицание неопределенного субъекта – тотальное отрицание (ср. лат. *ullus* “некий” – *nullus* “никакой”) и генитивный субъект может встречаться в отрицательном предложении: *Отца сегодня не было на рыбалке*.

Для аккузатива выражение прямого дополнения не является основной функцией, так как прямое дополнение входит как обязательная составная часть в значение переходного глагола. Без прямого дополнения такой глагол либо обесмысливается (*он делает*), либо изменяет свое значение: *Он строит* = *Он работает строителем*; *Он читает* = *Он занят чтением*; *Он видит* = *Он не слеп*. Такие глаголы без прямого дополнения обозначают не действие, а свойство, характеристики, возможности субъекта. Этот тип предиката в формальной логике называется диспозициональным. Собственная же, независимая от глагола функция аккузатива выражена в таких конструкциях, как русск. *пройти город*, *весить тонну*, лат. *Romam ire* “идти в Рим”, др.-инд. *nagaram gachati*. В древнегреческом существует accusatives extensionis (аккузатив распространения), указывающий на меру и предел глаголов движения: *ἐν τε ὄρεσιν ἐξέλαυνον*

σταθμοὺς τρεῖς “оттуда шли три перехода”. Другая первичная функция винительного падежа – accusatives relationis, винительный отношения, указывающий на предмет, по отношению к которому существует какое-либо свойство или событие: *Σωκράτης τὸ ὄνομα* “Сократ по имени”, *ποδᾶς ὠκὺς Ἀχιλλεύς* “быстрый ногами Ахиллес”. Таким образом, собственно аккузативная функция – выражение меры и предела. И такой аккузатив противостоит генитиву объекта.

Соответственно третья пара в оппозиции – локатив и датив – тоже имеет четкое семантическое противопоставление. Локатив указывает на среду, в которой нечто находится, но не сообщает ничего об этой среде. И его можно считать падежом с нулевым значением. Иногда он выражается с помощью основообразующих формантов, к которым не присоединяется флексия, иногда же – чистой основой корневого имени. Ср. др.-инд. *udān* “в воде” и *udān-i* “то же” (при генитиве *udn-āh*), хетт. *tekan* “земля” – *tagan* “на земле”. Флексия *-i* (имеющая параллели в основообразующих суффиксах) и форманты *-r*, *-n*, очевидно, имели слабое, иногда исчезающее локативное значение. В хеттском языке зафиксировано также несколько локативов, образованных с помощью чистой корневой основы: *kit-kar* “вперед”, ср. гомеровское *ἐπὶ χάρ* (II. XVI 392) “вверху” (или “с вершины”) < **kar* “голова, верх”⁶. Локатив – это по сути падеж с нейтральным значением. Он указывает не на отношения, а на среду, в которой имеет место та или иная ситуация. Неудивительно, что он может выражаться нулевой флексией.

Напротив, датив передает вполне четкие отношения. Этот падеж выступает: а) в роли косвенного дополнения; б) в качестве бенефицианта, т. е. лица, в пользу которого совершается действие; в) посессора, d) цели. Посессивный датив отличается от такого же генитива тем, что передает особенно тесные отношения между владельцем и владеемым. Лермонтовское *Слуга царю, отец солдатам* отличается от *Слуга царя* или *Отец солдат* значением неформальной принадлежности. Дательный же цели отличается от винительного предела тем, что именует сущность, не наличествующую в действительности, а только предполагаемую или должную появиться. Ср. вед. *yé te... yuñjáte máno dānāya* (RVI 48, 4) “те, кто свой ум к жертвоприношению направляет”; лат. *Locus ipse praesidio erat barbaris* (Caes. B.G. VI 34, 6) “само место было варваром для защиты”.

Выводы

Проанализировав функции падежей, связанных аблаутно-акцентными противопоставлениями, мы можем сказать так. Баритонные падежи обозначали

⁶ Хеттский материал рассмотрен в [38].

независимые и обособленные члены предложения. Окситонные падежи передавали подчиненность, производность, зависимость⁷.

Большая часть имен с основами на *-i/-u-* отличается от атематических характером передвижения акцента. Сравним вед. *ksām/ ksmáh* и *agnih/ agnéh*, *vásu/ vásoh*. У имен этого типа ударение не выходит за пределы основы: **ógni-s/ ognéi-s*, *uésus/ ueséu-s*. Такие имена называются протеродинамическими. Они противостоят другому классу имен на сонорные – гистерокинетическому, где акцент ведет себя так же, как у атематических имен: вед. *ávi/ ávyah* (<*óvis/ oviós*). Но в обоих классах акцент сдвигался направо именно в косвенных падежах⁸. Это передвижение имело такую же функцию, что и у тематических имен. В германских языках сохранился только протеродинамический тип склонения.

Оппозиция однокоренных баритонных и окситонных имен широко представлена в древнеиндийском и древнегреческом. Существует две ее разновидности: корневому атематическому имени противостоит окситонное тематическое имя; баритонному тематическому имени противостоит окситонное же тематическое. Ср.: а) др.-инд. *rúc* “свет” – *rocá* “светлый”, греч. *σκόψ* “филин” – *σκοπός* “стражник; цель”; б) др.-инд. *sóda* “кнут” – *codá* “подгоняющий”, греч. *τροχός* “бег” – *τροχός* “колесо”. Атематические баритонные имена обозначали некоторую цельную и постоянную сущность (в приведенных примерах – «свет» или «зоркость» как главное свойство хищной птицы), а окситонные – отдельные качества, способные изменяться во времени. Тематические же баритонные имена обозначали абстрактные понятия. Окситоны суть морфологические производные от атематических имен, восходящие непосредственно к их генитивам (др.-инд. *rúc* – род. п. *rucáh*); новые же баритонные имена развились из окситонных в результате рецессии акцента. Поэтому значение окситонных имен близко к посессивному: *rocáh* – обладатель свойства, носителем которого является *ruc*. В германских языках известно около 20 корневых имен, восходящих к индоевропейскому корневому атематическому [40]; отношения их с тематическими не вполне ясны.

«Рассогласованное прилагательное» – термин, введенный Ю. С. Степановым [41] на основании исследований Е. Куриловича [27]. Польский исследователь показал глубокое морфологическое различие глагольных форм, выражающих действие и состояние (иначе – активных и инактивных). Инактивные гла-

голы в 3 лице имели по сути нулевое окончание и по своему значению действительно были близки к наречиям или прилагательным. Их можно сравнить с так называемой категорией состояния в русском языке: *холодно, больно, жалко*⁹. В аналогичной функции выступают и безличные глаголы: *морозит, стреляет (в ухе)*, а также *светает, темнеет* и т. д. Отличие глагола от наречной формы состоит в том, что первый скорее передает изменяющееся событие, а вторая – устойчивое состояние. Но и глагол, и наречие указывают на то, что субъект не контролирует процесс или состояние. Примерно такое же значение имеют и стативные глагольные формы в древнейших индоевропейских языках [44; 45]. Они характеризуются окончанием 3 л. ед. ч. **-e*, мн. ч. **-re/-ro*, как правило, ударением на этом окончании и 0 ступенью корневого вокализма. Можно полагать, что окончание ед. ч. – это по сути вокальный ауслаут основы, проявившийся под ударением. Таким образом, это – форма с нулевым окончанием. Ср. др.-инд. *dógdhi* “доить” – *duhé* “(корова) доится; (облако, река) источает влагу” (<**dhéugh-ti – dhughé-i*); хетт. *duggari* “имеет силу” (*dhughó-ri/ dukó-ri*¹⁰). Такие же формы имеются в италийских и кельтских языках (умбр. *ier* “(кто-то) пошел бы”, др.-ирл. *no-mberar* “меня несут” <**nu-me-bherór*). В германских языках категория статива отразилась в слабых глаголах III класса.

Формам медиального залога упомянутого типа противостоят флексии так называемого дентального, или стандартного медиа; в 3 л. ед. ч. они оканчиваются на **-tó*, а мн. ч. – **-ntó*, т. е. имели дентальный формант во флексии. Эти окончания связаны аблаутными чередованиями с безударными флексиями активного залога: **-t : -tó = *-ént : *-ntó*. В тех языках, где дентальный медиа противостоит бездентальному, первый, как правило, обозначал возвратное действие, или производимое субъектом для себя, второй – неконтролируемое состояние: вед. *duhaté* “они доят коров для себя” – *duhré* “(коровы) доятся”. В большинстве индоевропейских языков на базе среднего залога сформировался медиопассивный; в германских

⁹ В 1950-е – 60-е гг. вопрос о категории состояния вызывал дискуссии. В. В. Виноградов настаивал на ее статусе как особой лексико-грамматической категории [42, с. 319–336], а А. Б. Шапиро [43] это отрицал, считая значение состояния чисто лексическим. Но категория состояния характеризуется особым синтаксисом: она выступает как предикат в безличном предложении и при субъекте в косвенном падеже. Выражение состояния передается особыми грамматическими формами с особым синтаксическим статусом.

¹⁰ Большинство этимологических словарей [46] выводят *duggari* из **tuek-* “быть заметным”: хетт. *tuekkas* “тело; личность; сам”, др.-инд. *tvac* “кожа, шкура; покров”. Хеттская геминация согласных соответствует индоевропейскому глухому: *gg* < **k*. Но развитие от абстрактного значения к конкретному выглядит сомнительно. Видимо, в этом глаголе имеет место контаминация корней **tuek-* и **dheugh-*.

⁷ Падежные отношения индоевропейских языков изложены в [39, р. 45–89].

⁸ В древнеиндийском уже до ведического периода ударение имен с основой на *-i/-u-* стабилизировалось (на корне или основообразующем форманте). Место старого акцента помогает установить количественный аблаут.

же языках его старая флексия сохранилась только в готском: *nasjīb* “спасает” – *nasjada* “спасается”, где *-da*, вне всякого сомнения, отражает **-tó*.

Конъюнктив образовывался с помощью суффикса **-e/-o-*, присоединявшегося непосредственно к основе.

Происхождение перфекта:

А. Первичная оппозиция баритонного/окситонного глагола (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Атематические и тематические глагольные окончания

Баритонный глагол	Окситонный глагол	Множественное число
CéC-m, CéRC-m	C _c Cé, CRCé	C _c C-mé, CRC-mé
CéC-s, CéRC-s	C _c Cé, CRCé	C _c C-té, CRC-te/ C _c C-é, CRC-é
CéC-t, CéRC-t	C _c Cé, CRCé	C _c C-ónt, CRC-ónt/ C _c C-ór, CRC-ór

В. Формирование основы: CéC- × C_cCé (≈CoCé) → CóCe; CéRC- // × C_cRCé → Cé-CRC-e.

С. Формирование флексии: CéC-t, CéRC-t × CóCe, CéRCe : → CóC-e, CéRC-e; C_cCé, CRCé // CóC-e, CéCRC-e; CóC-, CéCRC- -é, -té (× – знак аттракции, // – дистракции, : – переразложения)

Таким образом, аблаут играл решающую роль в морфологии праиндоевропейского языка. На наш взгляд, причина этого заключается в особом статусе праиндоевропейского языкового состояния, претерпевшего переход от корнеизолирующего во флективный тип [47; 48].

ЛИТЕРАТУРА

1. Реформатский А. А. Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах // *Реформатский А. А. Фонологические этюды*. М., 1975. 136 с.
2. Поливанов Е. Д. Общий принцип фонетических изменений // *Статьи по общему языкознанию*. М., 1968. С. 37–44.
3. Якобсон Р. Принципы исторической фонологии // *Якобсон Р. Избранные работы*. М., 1985. С. 113–132.
4. Hoenigswald H. Language change and linguistic reconstruction. Chicago, 1960.
5. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // *Бенвенист Э. Общая лингвистика*. М., 1974. С. 129–140.
6. Кретов А. А. Фонема : аксиоматика и выводы // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2001. № 2. С. 63–80.
7. Бодуэн де Куртенэ И. А. Опыт теории фонетической альтернции // *Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды*. М., 1963. С. 265–347.
8. Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. Морфонология в описании языков. М., 1983. 119 с.
9. Bopp F. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen und Deutschen. Berlin, 1857. Bd. I.
10. Grimm J. Deutsche Grammatik. Göttingen, 1822.
11. Дыбо В. А. Славянская акцентология. М., 1981. 272 с.
12. Дыбо В. А. Славянские акцентуационные морфологизированные системы. М., 2001.
13. Kortlandt F. Slavic accentuation : A study in relative chronology. Lisse, 1975.
14. Lubotsky A. The System of nominal accentuation in Sanskrit and Proto-Indo-European. Leiden, 1988.
15. Hock W. Der indogermanische Flexionsakzent und die morphologische Akzentkonzeption // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. 1993. Vol. 4. Hf. 54.
16. Jasanoff J. Hittite and the Indo-European Verb. Oxford, 2003.
17. Сосюр Ф. де. К вопросу о литовской акцентуации (Интонация и ударение в собственном смысле слова) // *Сосюр Ф. де. Труды по языкознанию*. М., 1977. С. 598–619.
18. Kuryłowicz J. *a* indo-européen et *h* hittite // *Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowsky*, 1927.
19. Borgström K. Rekonstruktion of Pre-Indo-European word-forms // *Word*. 1954. Vol. 10, № 2–3.
20. Sukač R. Introduction in Indo-European and Balto-Slavic Accentology. Cambridge, 2013. 358 p.
21. Schmalstieg W. Indo-European Linguistics : A new synthesis. Chicago ; L., 1980.
22. Fulk R. The origin of Indo-European quantitative ablaut. Innsbruck, 1986.
23. Schmitt-Brandt R. Die Entwicklung des indogermanischen Vokalsystems. Heidelberg, 1967.
24. Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М., 1973. 239 с.
25. Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984. 255 с.
26. Толстая С. М. Морфонология в структуре славянских языков. М., 1998. 318 с.
27. Kuryłowicz J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964. 256 p.
28. Откупщиков Ю. В. Из истории европейского словообразования. Л., 1967. 368 с.
29. Narten J. Zum proterodynamischen Wurzelpräsenz // *Pratidānam: Festschrift F.B.J. Kuiper*, 1968.
30. Герценберг Л. Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981. 200 с.
31. Макаев Э. А. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М. ; Л. : Наука, 1964. 59 с.
32. Hirt H. Indogermanische Ablaut vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung. Straßburg, 1900.
33. Кравчук Р. В. Индоевропейский аблаут *e*: *o* – результат исчезнувшего сингармонизма? // *Типология и взаимодействие славянских и германских языков*. Минск, 1969. С. 12–20.
34. Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме // *Вопросы языкознания*. 1958. № 1. С. 65–77.
35. Mančzak W. Origine de l'apophonie *e/o* en indo-européen // *Lingua*. 1960.

36. Kuryłowicz J. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1968. Bd. II: Ablaut. Akzent. 372 p.
37. Красухин К. Г. Аспекты индоевропейской реконструкции : Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004. 456 с.
38. Neu E. Studien zum endungslosen "Lokativ" des Hethitischen. Innsbruck, 1980.
39. Красухин К. Г. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М., 2005. 238 с.
40. Griepentrog W. Die Wurzelnomina des Germanischen und ihre Vorgeschichte. Innsbruck, 1995. 510 S.
41. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М., 1989. 247 с.
42. Виноградов В. В. Русский язык : грамматическое учение о слове. Изд-е 2-е. М., 1970. 613 с.
43. Шапиро А. Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 42–54.
44. Oettinger N. Zum indogermanischen Stativ // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1976. Bd. 30.
45. Krasukhin K. G. The Indo-European Root *dheugh- : Its Morphology, Meaning, Etymology (in Comparison with Similar Forms) // Journal of Indo-European Studies. 2000. Vol. 28. Pp. 37–64.
46. Lexikon der indogermanischen Verben / hgg. H. Rix. Wiesbaden : Harrassowitz, 2001.
47. Клычков Г. С. Теории верификации в сравнительном языкознании // Теория и методология языкознания : методы исследования языка. М., 1989. С. 93–189.
48. Белов А. М. Латинская и греческая акцентология. М., 2015.
11. Dy'bo V. A. Slavyanskaya akcentologiya. M., 1981. 272 p.
12. Dy'bo V. A. Slavyanskije akcentuacionny'e morfologizirovanny'e sistemy. M., 2001.
13. Kortlandt F. Slavic accentuation : A study in relative chronology. Lisse, 1975.
14. Lubotsky A. The System of nominal accentuation in Sanskrit and Proto-Indo-European. Leiden, 1988.
15. Hock W. Der indogermanische Flexionsakzent und die morphologische Akzentkonzeption // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1993. Vol. 4. Hf. 54.
16. Jasanoff J. Hittite and the Indo-European Verb. Oxford, 2003.
17. Sosyur F. de. K voprosu o litovskoj akcentuacii (Intonaciya i udarenie v sobstvennom smysle slova). In: Sosyur F. de. Trudy po yazykoznaniyu. M., 1977. Pp. 598–619.
18. Kuryłowicz J. *ə* indo-européen et *h* Hittite. In: *Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowsky*. 1927.
19. Borgström K. Reconstruction of Pre-Indo-European word-forms. In: *Word*. 1954. Vol. 10, No. 2–3.
20. Sukač R. Introduction in Indo-European and Balto-Slavic Accentology. Cambridge, 2013. 358 p.
21. Schmalstieg W. Indo-European Linguistics: A new synthesis. Chicago; L., 1980.
22. Fulk R. The origin of Indo-European quantitative ablaut. Innsbruck, 1986.
23. Schmitt-Brandt R. Die Entwicklung des indogermanischen Vokalsystems. Heidelberg, 1967.
24. Churganova V. G. Oчерк русской морфологии. М., 1973. 239 p.
25. Varbot Zh. Zh. Praslavjanskaya morfonologiya, slovoobrazovanie i etimologiya. M., 1984. 255 p.
26. Tolstaya S. M. Morfonologiya v structure slavyanskix yazykov. M., 1998. 318 p.
27. Kuryłowicz J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964. 256 p.
28. Otkupshnikov Yu. V. Iz istorii evropejskogo slovoobrazovaniya. L., 1967. 368 p.
29. Narten J. Zum proterodynamischen Wurzelpräsenz. In: *Pratidānam: Festschrift F.B.J. Kuiper*. 1968.
30. Gercenberg L. G. Voprosy rekonstrukcii indoevropeskoj prosodiki. L., 1981. 200 p.
31. Makaev E. A. Problemy indoevropeskoj areal'noj lingvistiki. Moskva; Leningrad: Nauka, 1964. 59 p.
32. Hirt H. Indogermanische Ablaut vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung. Straßburg, 1900.
33. Kravchuk R. V. Indoevropeskiy ablaut e:o – rezul'tat ischeznuvshego singarmonizma? In: *Tipologiya i vzaimodejstvie slavyanskix i germanskix yazykov*. Minsk, 1969. Pp. 12–20.
34. Trubeckoj N. S. My'sli ob indoevropeskoj probleme. In: *Voprosy yazykoznaniya*. 1958. No. 1. Pp. 65–77.
35. Maniczak W. Origine de l'apophonie e/o en indo-européen. In: *Lingua*. 1960.
36. Kuryłowicz J. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1968. Bd. II: Ablaut. Akzent. 372 p.

REFERENCES

1. Reformatskij A. A. Eshhyo raz o statuse morfonologii, eyo granicax i zadachax. In: *Reformatskij A. A. Fonologicheskie tyudy*. M., 1975. 136 p.
2. Polivanov E. D. Obshhij princip foneticheskix izmenenij. In: *Stat'i po obshhemu yazykoznaniyu*. M., 1968. Pp. 37–44.
3. Jakobson R. Principy istoricheskoy fonologii. In: *Yakobson R. Izbranny'e raboty*. M., 1985. Pp. 113–132.
4. Hoenigswald H. Language change and linguistic reconstruction. Chicago, 1960.
5. Benvenist E. Urovni lingvisticheskogo analiza. In: *Benvenist E. Obshhaya lingvistika*. M., 1974. Pp. 129–140.
6. Kretov A. A. Fonema: aksiomatika i vyvody. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2001. No. 2. Pp. 63–80.
7. Bodue'n de Kurtene I. A. Opy't teorii foneticheskoy al'ternacii. In: *Bodue'n de Kurtene I. A. Izbranny'e trudy*. M., 1963. Pp. 265–347.
8. Kubryakova E. S., Pankracz Yu. G. Morfonologiya v opisaniy yazykov. M., 1983. 119 p.
9. Bopp F. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen und Deutschen. Berlin, 1857. Bd. I.
10. Grimm J. Deutsche Grammatik. Göttingen, 1822.

37. Krasuxin K. G. Aspekty` indoevropskoj rekonstrukcii: Akcentologiya. Morfologiya. Sintaksis. M., 2004. 456 p.
38. Neu E. Studien zum endungslosen "Lokativ" des Hethitischen. Innsbruck, 1980.
39. Krasuxin K. G. Oчерки po rekonstrukcii indoevropskogo sintaksisa. M., 2005. 238 p.
40. Griepentrog W. Die Wurzelnomina des Germanischen und ihre Vorgeschichte. Innsbruck, 1995. 510 p.
41. Stepanov Yu. S. Indoevropskoe predlozhenie. M., 1989. 247 p.
42. Vinogradov V. V. Russkij yazy`k: Grammaticheskoe uchenie o slove. Izd-e 2-e. M., 1970. 613 p.
43. Shapiro A. B. Est' li v russkom yazy`ke kategoriya sostoyaniy a kak chast' rechi? In: *Voprosy` yazy`koznaniya*. 1955. No. 2. Pp. 42–54.
44. Oettinger N. Zum indogermanischen Stativ. In: *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. 1976. Bd. 30.
45. Krasukhin K. G. The Indo-European Root *dheugh-: Its Morphology, Meaning, Etymology (in Comparison with Similar Forms). In: *Journal of Indo-European Studies*. 2000. Vol. 28. Pp. 37–64.
46. Lexikon der indogermanischen Verben / hgg. H. Rix. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001.
47. Kly`chkov G. S. Teorii verifikacii v sravnitel`nom yazy`koznanii. In: *Teoriya i metodologiya yazy`koznaniya: Metody` issledovaniya yazy`ka*. M., 1989. Pp. 93–189.
48. Belov A. M. Latinskaya i grecheskaya akcentologiya. M., 2015.

Институт языкознания РАН; МГУ имени М. В. Ломоносова; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; Государственный университет «Дубна»

Красухин К. Г., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела теоретической лингвистики; профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ; профессор кафедры романо-германской филологии ПСТГУ; профессор кафедры германской филологии ГУ «Дубна»

E-mail: krasukh@mail.ru

Поступила в редакцию 16 ноября 2024 г.

Принята к публикации 26 декабря 2024 г.

Для цитирования:

Красухин К. Г. Общие и исторические вопросы морфонологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/1/6-16>

Institute of Linguistics RAS; Lomonosov Moscow State University; St. Tikhon's Orthodox University; Dubna State University

Krasukhin K. G., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Theoretical Linguistics Department; Professor of the General and Comparative Studies Department (MSU); Professor of the Romano-Germanic Philology Department (St. Tikhon's Orthodox University); Professor of the Germanic Philology Department (Dubna SU)

E-mail: krasukh@mail.ru

Received: 16 November 2024

Accepted: 26 December 2024

For citation:

Krasukhin K. G. General and historical questions of morphonology. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2025. No. 1. Pp. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/1/6-16>